
Языковой вопрос и языковая политика в современном обществе

М.Ф. ЧЕРНЫШ*

***Михаил Федорович Черныш** – член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, заместитель директора, Институт социологии РАН, Москва, Россия, che@isras.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8169-0933>

Цитирование: Черныш М.Ф. (2024) Языковой вопрос и языковая политика в современном обществе // Мир России. Т. 33. № 4. С. 94–109. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-4-94-109

Аннотация

В статье обсуждаются проблемы языков, их эволюции в современных обществах. В обществах модерна подчеркивается значимость свободы выбора, включая выбор идентичностей. Однако, как показывает практика, это выбор имеет довольно жесткие ограничения в действующем законодательстве и культурной норме. С одной стороны, никто не имеет права запрещать гражданину общаться на родном языке и воспитывать своих детей в той традиции, которую он или она считают естественной. С другой, существуют универсальные требования, исходящие из гражданского состояния и включающие в себя языковые компетенции. Это противоречие неизменно помещает языковой вопрос в конкретный политический контекст, делает его вопросом социальным и политическим. Опыт европейских стран показал, что нормы, уравнивающие государственные языки и языки официальные, далеко не безобидны. Установление региональных языков в качестве официальных стало одним из поводов для некоторых политических сил и деятелей настаивать на независимости и, по меньшей мере, на более высоком уровне автономии в существующих государственных границах. Российское законодательство и практики регулирования языковой сферы находятся под влиянием советского законодательства и советского опыта, заключающихся в политике сохранения и развития национальных языков. Реализуя эту политику, российское государство сталкивается с необходимостью учитывать и динамику языковой сферы, и проблемы, которые в ней возникают.

Ключевые слова: государственный язык, официальные языки, языковая политика, автономия, сепаратизм

Национальные языки в социополитическом измерении

В современных обществах и, соответственно, в современных науках вопросы межэтнических отношений и национальных культур рассматриваются как наиболее сложные. И действительно, с одной стороны, современные общества исходят из принципа равенства граждан, а также императива их участия в экономической, политической и социальной жизни. С другой, не менее требовательным является императив прав человека, ограждающий граждан от покушений на частную жизнь со стороны государства или иных субъектов социальной жизни. На первый взгляд, между равенством и правами человека нет прямого противоречия. Однако, как следует из политической и социальной практики, такое противоречие существует и самым реальным образом сказывается на жизни граждан: например, мусульмане, имеющие французское гражданство, посчитали, что обязаны чтить священные принципы шариата, и что девочки-мусульманки должны в школе носить хиджабы, а то и бурки. Но французское общество признало такие практики неприемлемыми и запретило ношение хиджабов, а заодно и других атрибутов религиозной веры в стенах учебных заведений. Может показаться, что права мусульман были таким образом ущемлены, но эта трактовка принятых решений французских законодателей не смутила. Франция – светское государство, в котором религиозная культура допустима в той степени, в которой она не противоречит принципам, лежащим в основании французского гражданства. В Швейцарии права мусульман подверглись аналогичному секвестру: женщинам, находящимся в публичном пространстве, запретили носить одежды, закрывающие лицо, даже если ношение такой одежды требует правила религиозной веры. Иными словами, существуют «сакральные» принципы, соблюдение которых неимоверно важно для адептов веры, но имеют место и «сакральные» принципы конституционности, охраняющие публичное пространство, общежитие и согласие граждан страны. Если одни «сакральные» принципы вступают в конфликт с другими не менее важными, то разворачивается то, что Ф. Ницше, а за ним и М. Вебер назвали «войной богов», ценностным противоречием, найти компромисс для которого далеко не просто по двум причинам. Во-первых, ценностные противоречия, как правило, подразумевают разведение сторон по принципу веры, то есть по принципам, сопротивляющимся любым уступкам, компромиссам, опирающимся на калькуляцию и подсчет возможного ущерба. Во-вторых, в современных государствах ценностные противоречия подразумевают, как правило, существование нескольких противоборствующих сторон, которые организуются в большинство и меньшинство. Большинство желает того, чтобы его права уважались, и чтобы значимые решения принимались демократично через прозрачные процедуры. Меньшинства, напротив, осознавая ограничения, которые подразумевает сложившийся институциональный порядок, стараются этот порядок изменить, если не законным образом, то в качестве институционального предпринимателя за счет его нарушения или по крайней мере ослабления. Баланс интересов отыскивается на тех площадках, где определяются нормы и правила жизни, в структуре институтов, регулирующих политическую, социальную и экономическую жизнь. Представлять эти нормы как вечные, непреходящие нравственные или иные правила, как некий универсальный и даже международный порядок, обязательный для всех субъектов международных отношений,

равнозначно введению слушателей или читателей в заблуждение. В любом государстве нормы конкретны уже в том смысле, что собирают в себе не только то, что глаголют международные институты, а то, что приемлемо, исторически обусловлено и перспективно с точки зрения обеспечения стабильности и развития.

В пределах одних и тех же правил, преподносимых как универсальные порядки, языковые политики различаются в широких пределах. Во Франции или Германии официальными государственными языками являются соответственно французский и немецкий. В настоящее время эти языки, а также английский находятся в привилегированном состоянии, имея в ЕЭС статус «процедурных». Немецкий лингвист У. Аммон полагает, что сложившаяся в Евросоюзе языковая ситуация привела к появлению в странах Европы наднационального *lingua franca*, которым по факту стал английский язык [Ammon 2006]. Не случайно он ввел в оборот подходящее для описания этой ситуации понятие «экономическая сила языка», помогающее ранжировать языки по масштабу их использования и степени пригодности в экономической деятельности, общей для стран, объединивших свои экономики.

Специфическая ситуация сложилась в Швейцарии, имеющей конфедеративное устройство и четыре официальных языка. Их отношения регулируются принципом территориальности: в немецкоговорящих кантонах в официальных практиках ограничено использование итальянского языка, а в итальянскоговорящих соответственно лимитирован оборот немецкого или французского: «Территориальность – это неписанный конституционный принцип, согласно которому кантоны вправе охранять свою языковую однородность. К примеру, во франкоговорящей части Швейцарии не разрешено образование на немецком языке и наоборот. К преимуществам данной системы можно отнести долгое время сохраняющуюся языковую стабильность, мирные отношения, возможность для каждого языкового сообщества самому решать вопрос об официальном языке, к недостаткам – языковые барьеры между различными группами населения» [Воловикова 2016, с. 40]. Сложившийся языковой порядок в каких-то отношениях обременителен для граждан, поскольку ставит препятствия на пути мобильности, включая мобильность образовательную. Да и культурное пространство конфедерации оказывается поделенным на анклав, границы между которыми преодолеваются за счет многоязычия, но, как это часто бывает, не полностью. Неудобства существующей системы компенсируются активным внедрением в практики коммуникации английского языка. М.Л. Воловикова считает, что этот процесс играет положительную роль, поскольку язык, пришедший извне конфедерации, снимает ряд противоречий, сформировавшихся уже существующей системой, но англоязычный (и культурный) суперстрат неизбежно провоцирует новые напряжения. Возникает закономерный вопрос: не способствует ли распространение языка, не являющегося эндогенным, дорогой к культурному доминированию со стороны стран, имеющих сильную культуру и так оказывающих мощное влияние на страны континентальной Европы?

Еще один полюс сформирован группой государств, где установлен этнократический режим (государства Балтии), и где любые формы существования языковой альтернативы объявляются едва ли не покушением на государственную независимость. В практическом плане нежелание договариваться по важным вопросам и силовое навязывание государственного языка обществу ведут к дополнительным осложнениям, потому что в этом случае вопрос культурный неизбежно перерастает

в вопрос остро политический, во внутренний конфликт, открытый или латентный. По пути этнократии пошла и Украина, которая, вопреки обещаниям ее руководителей в момент обретения независимости, неуклонно продвигала программу этнокультурной гегемонии украинства по отношению к иноязычным гражданам, составлявшим на тот момент большинство. По сути, речь шла об агрессивном, институционально одобряемом, с некоторыми откатами и паузами, вытеснении русского языка из официальной, культурной жизни и области повседневного общения. Дело дошло до того, что «свидомые» активисты, вдохновляемые языковым омбудсменом (небезосновательно именуемым шпрахенфюрером), начали предъявлять претензии гражданам, использующим родной язык в межличностном общении.

Как же реагировали на дискриминацию по языковому признаку в постсоветских странах руководство международных организаций, коалиция западных стран, а также медиа? По большому счету поощрительно. Дискриминирующие русскоязычное население страны Балтии получили приглашение и безо всяких оговорок были приняты в ЕЭС и НАТО. Венецианская комиссия, изучив украинские новации в области языкового законодательства, пришла к выводу, что они не соответствуют европейским нормам¹. Однако это не помешало Украине получить обещание быть принятой и в НАТО, и в ЕЭС. Там, где речь идет о геополитической целесообразности, западные государства готовы закрывать глаза на вопиющие факты языковой дискриминации, следуя известному принципу диктатора А. Стресснера – «друзьям все, врагам закон». Рассматривая языковую проблему, можно было бы обойтись без упомянутых примеров из жизни республик бывшего СССР, если бы они не иллюстрировали важный вывод: использование национальных языков регулируется не расплывчатой, хотя и наполненной добрыми намерениями международной нормой, а сложившимися внутри конкретных стран социополитическими практиками и межсубъектными отношениями. Общие принципы настраивают (особенно сейчас) на повсеместную поддержку национальной идентичности, расцвет национальных культур, но этой благой политикой часто ущемлены дороги в дискриминационный ад, в отмену единых культурных пространств и общих площадок, формирующих базис политической жизни. Многоязычие, как выясняется, обладает и рядом существенных недостатков, приводя, в частности, к возникновению языковых иерархий, когда один язык оказывается сильным в одной области, например, экономической, а другой «оседает» в локальных контекстах, как язык местных этнократий, язык эксклюзии. Не обращать на это внимание невозможно, поскольку языковые противоречия обязательно трансформируются в межэтнические.

Влияние левых идей

Как формировалось отношение к национальным языкам в России? Ближе всего к сегодняшней России советские подходы, левые по содержанию и эгалитарные по духу. Советская трактовка межнациональных отношений отсылает к той дискуссии, которая развернулась в XIX – начале XX в. в левом европейском движении.

¹ Коваленко М. (2019) Венецианская комиссия довела язык до Киева // Коммерсантъ. 6 декабря 2019 // <https://www.kommersant.ru/doc/4186701?ysclid=ls4d21cbus722290686>, дата обращения 15.05.2024.

Во второй половине XIX в., после «весны народов», социалистические партии столкнулись с набирающим силу в странах Европы национально-освободительным движением и были поставлены перед необходимостью сформулировать адекватное отношение к тем лозунгам, под которыми велась борьба за освобождение. Один из радикальных вариантов решения проблемы нашел отражение в известной статье К. Маркса «К еврейскому вопросу» [Маркс 1955. Т. 1]. Полемизируя с немецким философом Бруно Бауэром, К. Маркс подчеркивал, что подлинной эмансипации евреев можно добиться только тогда, когда рабочие одержат победу над буржуазией. До этого момента эмансипация не может быть консумирована потому, что даже если будет провозглашено формальное равенство, останутся различия, конституирующие национальную группу. Из той логики решения национального вопроса, которая предложена в работе К. Маркса, следует, что только универсализм, доведенный до крайней точки стирания всяких социальных различий, должен рассматриваться как желательное состояние общества. Однако остается вопрос, на каком языке будут говорить трудящиеся после победы коммунистической революции? Означает ли «стирание социальных различий» отмену национальных языков в пользу единого языка, преобладающего на определенной территории, или каждый язык получит право быть использованным без ограничений? Если победит вторая точка зрения, то тем самым закрепятся национальные и культурные различия, которые собственно и подлежат стиранию. Или же речь идет только об особой ситуации еврейского народа, меньшинства в среде европейских народов, обреченного ассимилироваться в этом новом Вавилоне победившего капитализма? Надо сказать, что при рассмотрении конкретных политических вопросов К. Маркс предпочитал более гибкие подходы, в которых находилось место в том числе и тем, кто боролся за освобождение под национальными лозунгами. Именно так можно понимать тот факт, что в более поздних работах он поддерживал идею польского освобождения, считая его необходимым условием перехода к антибуржуазной мобилизации внутри Польши [Маркс, Энгельс 1955. Т. 36, с. 253].

Весомый вклад в определение левых подходов сыграл и австрийский марксист Отто Бауэр [Бауэр 2015], который полагал, что выработать обоснованную позицию по отношению к национальному вопросу можно только определив, что такое нация и каковы ее границы. С его точки зрения, нацией должно считать социальную общность, имеющую в основании конкретный способ производства, который состоит из производительных сил и производственных отношений. Здесь О. Бауэр ни на йоту не отходит от Марксова понимания общества, от экономического детерминизма, который лежит в основании марксистской теории. Общность судьбы народа, включая общие экономические основания его жизни, приводит к появлению наций, которые обладают, помимо других форм совместной жизни, общей культурой и национальным характером. И то, и другое обретает твердую почву благодаря усилиям правящего класса, национальной элиты, которая более чем другие слои населения заинтересована в том, чтобы развивать национальный язык и задавать поведенческие нормы. Крестьяне, полагал О. Бауэр, живя отдельно, обрабатывая парцеллы, не имеют экономических или образовательных ресурсов для того, чтобы возглавлять объединительные тенденции. Центр их жизни находится внутри местной общины, семьи, но не там, где необходимость общенациональной идеологии осознается в полной мере.

Эти «социальные» подходы подверг острой критике другой, не менее именитый деятель европейского социалистического движения К. Каутский [Каутский 2021]. Нация, считал он, формируется разными общественными классами, и в том числе тем самым парцелльным крестьянством, роль которого в производстве национальной культуры О. Бауэр отрицал. Именно крестьянству, полагал К. Каутский, свойственен национализм в его наиболее крайних формах. Одна из причин этого заключается в том, что крестьянство находится вдали от универсализирующего влияния больших городов, которые, поощряя тесное, непрерывное общение между гражданами, создают среду, в которой национальное обособление идет вразрез с повседневными практиками, с необходимостью активных экономических, социальных и культурных взаимодействий. Сильные культурные идентичности, характерные для некоторых национальных меньшинств, выживают в больших городах только благодаря обособлению на определенной территории, в некоторых районах, населенных и контролируемых одним этносом. Если же обособление в «гетто» невозможно, то происходит культурная подстройка населения под стандарты общей жизни, которые могут быть заданы не только культурой национального большинства, но и в новейшие времена глобальной культурой. Впервые такое явление как «глобальные города», связанные общей культурой поверх национальных границ, описала Саскиа Сассен [Sassen 2013]. В национальных пространствах глобальные города становятся, как правило, проводниками той самой англоязычной культуры, гегемония которой вызывает беспокойство национальных правительств.

Касательно основных пунктов национальной программы К. Каутский находился в числе сторонников двухъязычной национальной программы, предусматривавшей общие интересы народов, которые проживают на одной территории (на одном уровне), и право на самоопределение (на другом уровне). При всей видимой безупречности этой программы она не избежала серьезных внутренних противоречий, отдельные из которых он сам признавал. Как быть, если важные экономические объекты, например, порты международного значения находятся на территории какого-либо национального анклава? В этом случае, считал он, возможно обойти право на самоопределение в пользу общих интересов: марксистская склонность отдавать должное экономической необходимости взяла верх над принципиальной позицией сторонника программ национального возрождения. Да и сама идея «двухъязычной организации» подсказывает, что К. Каутский не настаивал на отмене государственной формы сосуществования разных народов: при соблюдении определенных условий общее пространство взаимодействий и общие культурные основания могут быть сохранены, и это будет в интересах победившего пролетариата. В этих рассуждениях К. Каутский не мог зайти слишком далеко с учетом усиливающихся в некоторых социал-демократических партиях национальных настроений. В августе 1914 г. социал-демократическая фракция в Рейхстаге проголосовала за выделение военных кредитов, что означало поддержку войны, которую левые во многих странах определяли как империалистическую.

Как же должна решаться языковая проблема в государстве буржуазном и государстве победившего социализма? К. Каутский, как и многие марксисты, видел перспективу объединения народов в создании общего экономического пространства, которое само, по мере развития, создаст предпосылки для победы одного языка над другим: «Дальнейшее средство развития консолидации возникает в форме письменности. Благодаря письменности, язык, составляющий основу

национальной общности, закрепляется, всякие изменения его затрудняются, образование новых наций путем и создания общего смешанного языка наталкивается отныне на уже значительные трудности. Напротив, процесс расширения нации легко совершается в той именно форме, что язык одной нации становится литературным языком, который принимают и другие нации, имеющие родственные языки» [Каутский 2021, с. 33]. При этом К. Каутский сразу оговаривается: родственными являются не только языки, имеющие общее происхождение и общую лексическую основу, но и вообще все те языки, которые создало человечество за всю свою историю и которые служили его развитию. Языком письменности, предназначенным быть языком Австрии, является немецкий, он наиболее пригоден как базис для той нации, которая возникнет тогда, когда победит революция и народ возьмет власть в свои руки.

Программа К. Каутского выглядела умеренной, когда в центре внимания находилась Австрия, где не было преобладания какой-либо одной национальности. Эти подходы, как и свойственно многим европейским левым, недолюбливавшим Россию, признавались непригодными, когда обсуждалась ее дальнейшая судьба. Эта страна, считал К. Каутский, велика, в ней преобладают русские, поэтому она без особых затруднений может привести в действие план предоставления малым народам самоопределения, при этом многочисленный русский народ ничего от этого не потеряет.

Российские радикалы, как выяснилось, готовы были пойти даже дальше К. Каутского. Они приняли без особых колебаний программу «Циммервальдской левой», которая предлагала национальным армиям повернуть штыки против собственных правительств, а народам объявить бескомпромиссную борьбу за самоопределение [Ленин 1973. Т. 30]. Большевики были убеждены, что определение человека как совокупности социальных отношений означает, что в будущем на более высоком уровне развития в рамках прогрессивной общественно-экономической формации люди смогут реализовать присущее им естественное желание жить в мире и согласии, без предрассудков и войн. Идея самоопределения сочеталась в большевистской доктрине со святой верой, что трудящиеся всех стран, придя к власти, будут естественным образом стремиться к объединению, к совместной жизни в пределах одного социалистического государства. Отсюда следует, что нет необходимости в особой политике, направленной на преодоление национализмов, и нет потребности определять в деталях, как строить отношения между народами, достигшими самоопределения. Трудящиеся, получившие право свободного выбора, создадут социалистические республики, и те, безусловно, объединятся, поскольку в новых обстоятельствах именно к этому их будет побуждать целесообразность социалистического строительства. Разумеется, это объединение не будет скорым, и понадобятся годы, прежде чем будет окончательно преодолено наследие имперского шовинизма, а большевики научатся правильно строить отношения с национальными кадрами. А между тем следует бороться с великорусским шовинизмом, при этом России надлежит вкладывать имеющиеся у нее ресурсы в развитие национальных окраин, рассматривая эти инвестиции и как компенсацию за причиненный в прошлом ущерб, и как вложения в будущее, в котором социалистические нации объединятся в союзе государств, равных по уровню развития. Все должно происходить в полном соответствии с идеями, заявленными еще в «Манифесте коммунистической партии»: «Будучи вынужден сначала заво-

евать себе политическую власть, подняться до положения национального класса, превратить себя самого в нацию, пролетариат пока еще сам национален. Однако национальная обособленность народов и противоречия между ними все более и более исчезают уже с развитием буржуазии. Господство пролетариата еще более заставит их исчезнуть» [Маркс, Энгельс 1955. Т. 4, с. 444]. Отвечая на критику в свой адрес, В.И. Ленин в декабре 1914 г. опубликовал статью «О национальной гордости великороссов», в которой предложил трактовать российский патриотизм как избавление «великороссов» от необходимости угнетать другие народы, стремиться вместе с ними к победе социализма [Ленин 1969. Т. 26, с. 106–110].

В ходе Гражданской войны и в период военного коммунизма большевикам пришлось быстро расставаться со многими иллюзиями прошлых лет. Сыграли свою роль военные действия, в которых с противоположной стороны оказались силы, вдохновленные национализмом, идеей национального возрождения. Такие столкновения произошли на Украине, в Польше и Финляндии. На территории бывшей Российской империи возникали национальные государства, население которых не торопилось выступать в поддержку революционной России, а с невероятным упорством отстаивало свою независимость. В этих обстоятельствах ленинская позиция заключалась в том, чтобы, несмотря ни на что, придерживаться базовых принципов строительства социализма, предусматривающих право наций на самоопределение. В.И. Ленин требовал самых жестких наказаний для большевистских вождей, осмелившихся применить силу против буржуазных националистов, пришедших к власти в некоторых регионах России.

Наряду с «идеологами» в большевистской партии появилось движение «реалистов», осознававших, что в определенных обстоятельствах принцип самоопределения приводит не к движению вперед, а к архаизации общества, к расцвету племенного национализма и этнических автократий. В их рядах созрела идея культурно-национальной автономии, причем в той «двухъязычной» трактовке, которая очень напоминала идеи К. Каутского. В этой системе акцент смещался на создание общего пространства для всех народов, проживающих на территории России, притом что за национальными меньшинствами закреплялось право на развитие собственной национальной культуры, включая право на использование своего национального языка. В границах Советской России появлялись квазигосударственные образования, являвшиеся элементами партийно-государственного устройства, центральной осью которой стала Коммунистическая партия.

Как решалась в этих обстоятельствах языковая проблема? Нет нужды подробно говорить на эту тему, ей посвящено немало трудов. Советская власть, повинуясь идеологическому императиву, проводила последовательную политику развития национальных языков, многие из которых до того не имели даже письменности. Считалось, что национальные языки есть не что иное, как основа национальной жизни, гарантия сохранения национальной культуры. Речь шла об одном из элементов «коренизации» – конструирования национальных культур с использованием материальных и интеллектуальных ресурсов большого государства. Одним из примеров этого является политика украинизации, которая активно проводилась советской властью на Украине в 1920-е гг. При этом акцент делался на развитии и фактическом насаждении национального языка, который до того использовался в обиходе в сельских районах, не имея той экономической и культурной силы, которая могла бы обеспечить ему более сильные позиции в русскоязычных городах.

Факт остается фактом: до того, как в 1991 г. на обломках СССР возникло независимое украинское государство, большая часть населения республики предпочитала в обиходе русский язык, который до того сформировал фундамент не только особой южнорусской, но и русскоязычной украинской культуры, самобытной и плодотворной. Большинство граждан Украины отдавало предпочтение русскому языку потому, что наследовали ему в семьях, и, кроме того, осознавали недостаточную экономическую силу украинского языка и необходимость сохранять сети взаимодействия и обмена на постсоветском пространстве, где именно русский оставался языком межнационального общения.

Дилеммы языковой политики

В современной социологии язык и языковые проблемы рассматриваются как один из аспектов символического, как инструмент именованья, который обладает перформативным влиянием на социальные отношения. Институциональные аспекты языковой политики представлены в теории лингвистического институционализма Джона Серля [Searle 2010]. В языке содержится важнейший строительный материал для конструирования и воспроизводства социальных институтов. Дж. Серль приводит пример: осуществление речевого акта, произведенного в соответствующем контексте, именующего кого-либо президентом страны, сразу же ставит его в верхнюю точку существующих управленческих иерархий. Вслед за словом идут и другие атрибуты государственной власти, ее приводные ремни, позволяющие осуществлять управление обществом или отдельными областями его жизни. Благодаря языкам политические практики, практики отправления власти воспроизводят себя в действующих институтах или подвергаются реформам, которые получают обоснование в соответствующих определениях.

При этом языки – это не только инструменты текущей политики, но и области сохранения традиций, в том числе и политических, область сохранения важнейших смыслов, укорененных в истории народа. Разные функции и факторы функционирования языков в обществе делают любые аспекты политики значимыми в нескольких взаимосвязанных измерениях. «Понимание повестки дня, в которой присутствует языковой вопрос, неизменно политическое. Это означает, что исследование языковой политики предполагает анализ того, как и почему языковой вопрос ставится в конкретной форме и почему он заслуживает того, чтобы находиться в поле зрения правительства. Чьи интересы воплощены в конкретной постановке языкового вопроса открыто или тайно? Какие концепции или понятия использовались или рождались в ходе полемики? Изучение политического дискурса или идеологий обязательны в том случае, если изучаются глубинные причины, приведшие к постановке языкового вопроса» [Gazzola 2023, p. 52]. Языковой вопрос вырастает в социальную или экономическую проблему, потому что является одной из тех форм, в которых выходят на поверхность социальные или экономические интересы. Не надо далеко ходить за примером: доминирование английского языка идет на пользу США и Великобритании, поскольку дает им серьезные преимущества в области экономики и культуры, делает эти страны лидерами глобальных объединительных процессов, базирующихся на современных технологиях.

В настоящее время английский язык – это *lingua franca* не только науки, но и мировой экономики, тот медиум, с помощью которого взаимодействуют ее основные акторы. В результате происходит «заражение» английской терминологией локальных языков и, в частности, русского, в котором укоренились «дистрибуторы», «дилеры», «фьючерсы» и прочие «нетворкинги» и «краудфандинги». В рамках языковой политики правительства стараются ограничить процессы ассимиляции англоязычных терминов: например, в Краснодаре запретили все вывески на иностранных и, в частности, на английском языке. «В Лондоне и Вашингтоне, наверное, нет 90% вывесок на русском языке. Проработайте этот вопрос», – так аргументировал свою патриотическую позицию мэр Краснодара Евгений Наумов². При этом административные меры вряд ли смогут остановить языковые процессы, причины которых находятся за пределами конкретного города или даже государства, но общий расклад интересов в этом случае более или менее ясен. Речь идет о том, чтобы защитить русский язык как инструмент политической и экономической жизни и по возможности сохранить его позиции в контексте взаимодействий между соседними государствами, имеющими общую историю. Сделать это далеко не просто, если учесть, что в языковых политиках стран, в прошлом входивших в СССР, находят отражение реалии мировой экономики и желание местных элит маневрировать с наибольшей выгодой для себя между интересами мировых центров силы.

В языковом контексте по-прежнему актуальна проблема взаимодействия государственного и официальных языков. Дело в том, что во многих странах, включая Российскую Федерацию, региональные власти имеют право объявлять языки титульных народов государственными, наряду с основным языком, или же официальными. Возникло явление, которое в литературе определяется как «официальное многоязычие». Казалось бы, использование нескольких языков в управленческих и языковых практиках – это благо, дающее возможность гражданину выбирать тот язык, на котором ему удобно выступать в органах власти и судах. Эти практики позволяют сохранять не только сами языки, но и ту особую культуру, для которой они являются субстратом. Во многих современных государствах «двухъязысное» языковое устройство рассматривается как возможность избежать острых конфликтных ситуаций, возникающих в тех случаях, когда некоторые из национальных культур находятся под прессингом более мощной культурной традиции, поддерживаемой к тому же экономическими и политическими интересами.

Однако помимо очевидных преимуществ «официальное многоязычие» может иметь и ряд угрожающих непреднамеренных последствий. Одним из примеров этого стала ситуация в испанском королевстве. Государство, полностью соблюдавшее европейские нормы, касающиеся статуса региональных языков, столкнулось с тем, что роль испанского языка, как объединяющего государство, неуклонно идет на убыль. Все началось с того, что не только испанскому, но и другим региональным языкам Конституцией страны был присвоен статус «официальных» (*cooficial* для региональных языков). Основная цель такого устройства заключалась в том, чтобы сохранить за региональными языками область обращения и возможности развития. В некоторых регионах местные власти воспользовались

² Нечаева К. (2023) В российском городе запретили вывески на иностранных языках // Секрет фирмы. 29 мая 2023 // <https://secretmag.ru/news/v-rossiiskom-gorode-zapretili-vyveski-na-inostrannykh-yazykakh-29-05-2023.htm?ysclid=Iwhb9mlvqo337001500>, дата обращения 15.05.2024.

либеральным законодательством и придали местным языкам более высокий статус, чем государственному испанскому: «Никто не мог подумать, что их [региональных языков – прим. автора] статус и недальновидная языковая политика некоторых партий доведут языковую ситуацию в стране до того, что в некоторых областях (например в Каталонии, Стране Басков и на Балеарских островах) государственный испанский будет исключен из школ и университетов, и единственным официальным станет местный язык» [Tirado 2023, p. 53]. Языковой переход должен был, согласно планам национально-ориентированных политиков в испанских регионах, привести к их отделению от Испании и к получению в конечном счете признания со стороны других государств Европейского Союза. Эти расчеты не оправдались: лидеры Евросоюза и входящих в него государств дали четко понять каталонским и прочим испанским сепаратистам, что не потерпят распада Испании и не поддержат их в том случае, если испанское государство начнет их уголовное преследование. И хотя напряжение, которое спровоцировали митинги за независимость и акции неповиновения, со временем уменьшилось, проблема языкового сепаратизма и желание некоторой части региональных элит вернуться к идее независимости или хотя бы большей автономии осталась. Одна из причин столь настойчивого желания добиться как можно большей автономии от испанского королевства крылась в области экономики и политики. Как правило, наибольший уровень сепаратизма, в том числе культурного и языкового, наблюдался в тех регионах, которые превосходили другие по показателям социально-экономического развития. Региональные элиты пришли к убеждению, что, выйдя из состава единого государства, но оставаясь внутри Евросоюза, они смогут выиграть дополнительные преимущества. Известно, что аналогичные сепаратистские настроения наблюдались и в северных областях Италии, плотно связанных с сильной немецкой экономикой: там местные элиты также тяготились необходимостью «кормить» более бедный юг с его аграрной, во многом отсталой экономикой [Баранов 2015]. Иначе говоря, языковой вопрос появлялся в этих странах не сам по себе, не только и не столько как стремление восстановить или укрепить слабеющую культурную идентичность, а как один из пунктов общей программы получения большей автономии, которой придерживались элиты некоторых регионов. Общеευропейский и глобальный контексты имели в этой программе инструментальное значение: политики, поддерживавшие идею отделения, были убеждены, что выход из состава централизованного государства не будет означать разрыва с Европой, не оставит вновь образовавшиеся страны вне европейских рынков и сети глобальных экономических взаимодействий. Симптоматично, что входящие в Евросоюз государства да и руководство этого объединения приняли понятное решение не выпустать националистического «джина» из бутылки. В противном случае националистические движения, продвигающие программы культурной автономии и языкового самоопределения, могли бы усилиться во многих странах Европы – от Бельгии, подошедшей вплотную к точке распада в ходе кризиса 2007 г., до Франции, где на Корсике по-прежнему сильны партии, выступающие за более высокий уровень автономии и возрождение корсиканского языка, одного из диалектов итальянского.

В отношении других государств, и в частности России, европейские власти придерживаются иных принципов. В Европе, да и в США, в консервативных кругах с давних времен преобладало убеждение, что Россия слишком велика и что своим существованием она обязана репрессивной политике, нарушающей пра-

ва отдельных народов. Поэтому любой сепаратизм, полагали адепты этой точки зрения, в России должен иметь гласную или скрытую поддержку западных государств. И даже если эта политика не приведет в обозримом будущем к развалу страны, то, считали они, ослабит российское государство, уменьшит его влияние в мире. Политика двойных стандартов иллюстрируется бытующими в западных странах практиками именованья. Если сторонники независимости в западных странах (или на Украине) – это сепаратисты, то в России они, как это было в случае с Чечней, «борцы за свободу». Общие принципы инструментализируются настолько, что в расчет не принимаются неопровержимые исторические факты, подтверждающие, что как советское руководство, так и нынешняя российская власть последовательно проводили и проводят политику поддержки национальных культур и национальных языков, являющихся их неотъемлемой частью [Как в России защищают родные языки 2020].

Опыт российский и других государств свидетельствует, что языковой вопрос совмещается с вопросом национальным, нередко языковые проблемы выносятся на первый план намеренно и превращаются в тот инструмент, пользуясь которым региональные этнократии обеспечивают собственное воспроизводство и переговорные позиции с федеральной властью. В российском случае в цели последней входит, с одной стороны, непростая задача сохранения особой культуры государства-цивилизации, создавшей в истории собственные инструменты согласования социальных и национальных интересов, а с другой, задача сохранения и развития культур тех народов, которые оно объединяет. Решить ее можно только в том случае, если всем игрокам, особенно внутренним, станет доступным понимание необходимости и неизбежности совместной жизни в одной стране. Это возможно при условии, когда между государственными языками (а субъекты РФ имеют право устанавливать свои государственные языки наряду с русским) не возникает явной или неявной конкуренции, не разворачивается борьба за сферы влияния.

Решения, которые приходится принимать федеральным или региональным властям, как правило, сложные и неоднозначные. Взять хотя бы проблему формирования региональных органов власти. Если поставить знание регионального государственного языка в качестве критерия прохождения на руководящие позиции в субъекте федерации, то это станет нарушением конституционных прав нетитульных национальностей, проживающих в этой республике на постоянной основе. Особенно остро эта проблема встанет в тех субъектах, где население – смешанное в этническом отношении, и где титульное население не составляет большинства. Вопрос еще и в том, каково должно быть знание регионального государственного языка для того, чтобы кандидат на руководящую позицию мог быть зарегистрирован местным избиркомом, кто и как тестирует этого кандидата на предмет владения языком. Неопределенность этого критерия открывает широкие возможности для манипуляций избирательными правами, которые, как уже говорилось выше, закреплены в качестве неотъемлемых в российской конституции. Если предъявлять к кандидатам слишком жесткие требования, то, вполне очевидно, в органы власти субъекта пройдут только представители титульного народа, а в республике утвердятся этнократический режим. Одним из последствий этого может стать, и в ряде случаев становится, акцент на этнические интересы как идеологию, оправдывающую доминирование в органах власти представителей одного народа. Не исключено, что несправедливость этого устройства вызовет к жизни ответное

движение в защиту прав других, нетитульных национальностей, которое по форме и содержанию тоже будет националистическим.

На противоположной чаше весов находится жесткая политика универсализации и признание русского языка единственным законным критерием участия в политической жизни. Однако такая политика будет скорее всего отвергнута титульным народом, который связан с территорией вековыми узами и рассчитывает, что его особое положение будет признаваться как гражданами на ней проживающими, так и федеральной властью. Известно, как эта дилемма разрешалась советской властью: в органах власти на первых позициях должны быть представители титульного народа, но на вторых позициях в обязательном порядке представители центральной государственной власти. Использовался инструмент квотирования: какой бы ни была доля титульного народа среди населения региона, в органах власти, в местном парламенте у него должна быть весомая квота. В текущей ситуации подобные решения маловероятны, но в перспективе эти вопросы потребуют решения и должны уже сейчас становиться предметом рефлексии.

Не менее острые проблемы «официальное многоязычие» рождает и в сфере образования. На каком языке должно вестись преподавание в школах и вузах? Обязательно ли изучение регионального государственного языка для всех, кто проживает в республике, или только для представителей титульного народа, да и то по желанию? С одной стороны, нельзя не признать за гражданами права выбора, включая выбор языка обучения для детей. С другой стороны, если языки титульных народов естественным образом, в результате свободного выбора граждан, отходят на второй план, то в перспективе, не сразу, а через годы, это приведет к сужению области их использования и – что нежелательно, но вероятно – к неуважительному отношению к ним со стороны молодежи. Государственные языки необходимо поддерживать, понимая их роль в сохранении культурного наследия и того особого национального взгляда на мир, который содержит в себе каждая культура, каждый уникальный исторический опыт народа. При этом, проводя политику поддержки языка, важно избегать создания непреодолимых границ в области образования, неконвертируемости получаемого образования в масштабах страны в целом. Линии разграничений не сводятся только к области применения языка и его характеристикам: речь идет о проблемах политики, экономики и социальной сферы, где равные права граждан должны быть закреплены не только в документах, но и в каждодневных практиках.

Заключение

В современном мире языковой вопрос справедливо рассматривается как чувствительный, имеющий прямое отношение к процессам формирования идентичностей и их соотношению. В этом щепетильном подходе к национальным языкам есть своя логика. Можно по-разному относиться к научным догадкам Сепира-Уорфа, но в какой-то части они убедительны и подтверждаются наблюдениями ученых [Whorf 2012]. Национальные языки кодируют опыт жизни народа и взаимодействие в истории с другими народами из ближайшего и дальнего окружения, служат основой для литературы и поэзии. При этом языки находятся в подвижном

состоянии – обогащаются новой лексикой, расширяют свое влияние или, напротив, слабеют и умирают. В настоящее время в России из 139 языков 85 находятся в зоне риска [Как в России защищают родные языки 2020]. Что провоцирует ослабление языка? Часто, когда речь идет о малых, коренных народах, основной причиной становится постепенное сокращение численности его носителей.

В число основных факторов, оказывающих влияние на судьбы языков, входит индивидуализация, подразумевающая свободный выбор культурных предпочтений и места проживания. По мере того как жизнь осовременивается, у молодых людей, к какому бы народу они ни принадлежали, возникает естественное желание улучшить условия жизни, переехать в большой город, получить жилье с центральным отоплением, коммунальными удобствами и современными средствами связи. Большие города привлекают молодых людей свободой выбора стиля жизни, широкими возможностями мобильности, разнообразным досугом, но обратной стороной поселенческой мобильности становится утрата связи с национальной культурой, разрыв со средой, которая пользуется родным языком. Чем больше город, тем активнее его универсализирующее или даже глобализирующее влияние, тем сильнее притяжение той среды, в которой используются языки с превосходящей экономической или образовательной силой.

Глобализации противостоят тенденция локализации, возвращения к корневой национальной культуре, поиск ответов на наиболее острые вопросы жизни в вековых традициях. На пересечении этих тенденций глобализации и локализации находятся языки, формирующие фундамент культуры и те особые паттерны рефлексивности, которые для нее характерны. Языковой вопрос и впредь не утратит своей актуальности, требуя самого пристального к себе внимания государства, общества и ученых.

Список источников

- Баранов А.В. (2015) Сепаратизм в современной Италии: факторы развития, институционализация, политические стратегии // Человек. Сообщество. Управление. Т. 16. № 1. С. 78–85 // https://chsu.kubsu.ru/arhiv/2015_1/2015_1_Baranov.pdf, дата обращения 15.05.2024.
- Бауэр О. (2015) Национальный вопрос и социал-демократия. М.: URSS.
- Воловикова М.Л. (2016) Языковая ситуация и языковая политика в Швейцарии // Балтийский гуманитарный журнал. Т. 5. № 4(17). С. 39–41 // https://elibrary.ru/download/elibrary_28278384_38783852.pdf, дата обращения 15.05.2024.
- Как в России защищают родные языки (2020) // Государственная Дума РФ. 21 февраля 2020 // <http://duma.gov.ru/news/47856/>, дата обращения 15.05.2024.
- Каутский К. (2021) Национальные проблемы. М.: URSS.
- Ленин В.И. (1969) О национальной гордости великороссов // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 26. М.: Политиздат. С. 106–110.
- Ленин В.И. (1973) План тезисов «задачи левых циммервальдистов в швейцарской с.-д. партии» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 30. М.: Политиздат. С. 376–379.
- Маркс К. (1955) К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Изд. 2. Т. 1. М.: ГИПЛ. С. 382–413.
- Маркс К. (1955) Письмо Петру Лавровичу Лаврову // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Изд. 2. Т. 36. М.: ГИПЛ. С. 243–244.

- Маркс К., Энгельс Ф. (1955) Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Изд. 2. Т. 4. М.: ГИПЛ. С. 419–459.
- Ammon U. (2006) Language Conflicts in the European Union // International Journal of Applied Linguistics, vol. 16, no 3, pp. 319–338. DOI: 10.1111/j.1473-4192.2006.00121.x
- Gazzola M. (2023) Language Policy as Public Policy // Epistemological and Theoretical Foundations in Language Policy and Planning, Palgrave, MacMillan, pp. 41–71.
- Sassen S. (2013) The Global City. New York. London. Tokyo, Princeton: Princeton University Press.
- Searle J. (2010) The Construction of Social Reality, New York: Free Press.
- Tirado G. (2023) Catastrophic Consequences of Spain's Language Policy against the Background of Russia's Language Policy // Integration of Education, vol. 27, no 1, pp. 51–63. DOI: 10.15507/1991-9468.110.027.202301.050-063
- Whorf B.L. (2012) Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf, Massachusetts: MIT press.

The Language Issue and Language Policy in a Modern Society

M.F. CHERNYSH*

***Mikhail F. Chernysh** – Corresponding Member of RAS, DSc in Sociology, Deputy Director, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russian Federation, che@isras.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8169-0933>

Citation: Chernysh M.F. (2024) The Language Issue and Language Policy in a Modern Society. *Mir Rossii*, vol. 33, no 4, pp. 94–109 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-4-94-109

Abstract

This article addresses the issue of languages and their evolution in modern societies. Modern societies emphasize the significance of individual freedom of choice, including the choice of identity. However, the current situation highlights the limitations imposed by law and cultural norms on the ability to choose. While no one has the right to prevent a citizen from communicating in their native language and educating their children in their traditions, there are universal requirements stipulated by citizenship, including the necessity of language competence. This contradiction invariably places the language question in a political context, turning it into a perennial political and social issue.

The history of European countries shows that norms equating state and official languages are not entirely innocuous. The status of regional languages as official has given some political forces and politicians a reason to insist on the independence of their regions or at least a higher level of autonomy within existing state borders. Russian law is based on Soviet language and minority rights legislation. The implementation of language policy necessitates that the Russian state monitor the evolution of language usage and respond to the problems arising.

Keywords: *the state language, official languages, the language policy, autonomy, separatism*

References

- Ammon U. (2006) Language Conflicts in the European Union. *International Journal of Applied Linguistics*, vol. 16, no 3, pp. 319–338. DOI: 10.1111/j.1473-4192.2006.00121.x
- Baranov A.V. (2015) Separatism in Contemporary Italy: Factors of Development, Institutionalization, Political Strategies. *Man. Community. Management*, vol. 16, no 1, pp. 78–85. Available at: https://chsu.kubsu.ru/arhiv/2015_1/2015_1_Baranov.pdf, accessed 15.05.2024 (in Russian).
- Bauer O. (2015) *National Question and Social Democracy*, Moscow: URSS (in Russian).
- Gazzola M. (2023) Language Policy as Public Policy. *Epistemological and Theoretical Foundations in Language Policy and Planning*, Palgrave, MacMillan, pp. 41–71.
- How Native Languages Are Protected in Russia (2020). *The State Duma*, February 21, 2020. Available at: <http://duma.gov.ru/news/47856/>, accessed 15.05.2024 (in Russian).
- Kautski K. (2021) *National Problems*, Moscow: URSS (in Russian).
- Lenin V.I. (1969) On the National Pride of the “Great Russians”. *Lenin V.I. Collected Works*. 5th Edition. Vol. 26, Moscow: Politizdat, pp. 106–110 (in Russian).
- Lenin V.I. (1973) The Plan of Statements “the Objectives of the Leftwing Supporters of the Zimmervalde Social Democratic Party. *Lenin V.I. Collected Works*. 5th Edition. Vol. 30, Moscow: Politizdat, pp. 376–379 (in Russian).
- Marx K. (1955) On the Jewish Question. *Marx K., Engels F. Collected Works*. 2nd Edition. Vol. 1, Moscow: GIPL, pp. 382–413 (in Russian).
- Marx K. (1955) A Letter to Pyotr Lavrovich Lavrov. *Marx K., Engels F. Collected Works*. 2nd Edition. Vol. 36, Moscow: GIPL, pp. 243–244 (in Russian).
- Marx K., Engels F. (1955) The Manifesto of the Communist Party. *Marx K., Engels F. Collected Works*. 2nd Edition. Vol. 4, Moscow: GIPL, pp. 419–459 (in Russian).
- Sassen S. (2013) *The Global City. New York. London. Tokyo*, Princeton: Princeton University Press.
- Searle J. (2010) *The Construction of Social Reality*, New York: Free Press.
- Tirado G. (2023) Catastrophic Consequences of Spain’s Language Policy against the Background of Russia’s Language Policy. *Integration of Education*, vol. 27, no 1, pp. 51–63. DOI: 10.15507/1991-9468.110.027.202301.050-063
- Volovikova M.L. (2016) Language Situation and Language Policy in Switzerland. *The Baltic Humanitarian Journal*, vol. 5, no 4(17), pp. 39–41. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_28278384_38783852.pdf, accessed 15.05.2024 (in Russian).
- Whorf B.L. (2012) *Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf*, Massachusetts: MIT press.